

Михаил Ковалев

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ:

**ПРОФЕССОР А.В.ФЛОРОВСКИЙ
И ЕГО СОВЕТСКИЕ КОЛЛЕГИ¹**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
94(47+100-87)
929:930

В настоящей статье, первой из серии, посвященной русскому историку А.В.Флоровскому, рассказывается о попытках ученого установить научные связи с советскими коллегами в послевоенные годы. Его движущим мотивом был интерес к изучению эпохи Петра Великого. В статье рассказывается о коммуникациях А.В.Флоровского с А.И.Андреевым и его научной группой, которая занималась изданием «Писем и бумаг императора Петра Великого». Показано, как и в научные планы, и в судьбы людей вмешивается политика. В СССР разгораются идеологические кампании. Коллеги А.В.Флоровского оказываются под огнем критики.

The first in the series this article, dedicated to Russian historian A.V.Florovsky, describes the attempts of the academic to establish contacts with Soviet colleagues in the postwar years. The interest to the study of the epoch of Peter the Great was his motive. This article describes the communications of A.V.Florovsky with A.I.Andreyev and his research group, which was engaged in the publication of "Letters and papers of the Emperor Peter the Great". This work shows how politics intervenes in the research plans, as well as the fate of the peoples. In the USSR erupted ideological campaigns. Colleagues of A.V.Florovsky were under fire.

Ключевые слова: А.В.Флоровский; А.И.Андреев; С.А.Фейгина; А.Л.Сидоров; Н.Л.Рубинштейн; «Письма и бумаги императора Петра Великого»; Петр Великий; Чехословакия; СССР; историография; Зарубежная Россия; идеологические кампании; эпоха Сталина.

Key words: A.V.Florovsky; A.I.Andreyev; S.A.Feygina; A.L.Sidorov; N.L.Rubinstein; "Letters and papers of the Emperor Peter the Great"; Peter the Great; Czechoslovakia; USSR; historiography; Russia Abroad; ideological campaigns; Stalin Era.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК-4739.2016.6 «Российская научная эмиграция в Чехословакии в 1920–1940-е годы (по материалам зарубежных архивов)».

Письмо из Чехословакии

В марте 1947 г. в Москву на имя одного известного историка неожиданно пришло любезное письмо из Праги. Его автор выражал глубокое уважение адресату, проявлял большой интерес к работам советских коллег и искренне заверял в готовности сотрудничать. «Я был бы весьма Вам признателен – и, думаю, что это было бы к пользе дела вообще – если бы Вы признали возможным войти со мной в близкий контакт в области изучения Петровской эпохи. Со своей стороны я готов помочь делу, чем могу, кое-что для Москвы остается недоступным, я мог бы расследовать соответствующий материал здесь или в ином месте в Европе. Во всяком случае, мог бы информировать Вас и круг Ваших сотрудников о новинках европейской литературы по эпохе Петра Великого», – говорилось в послании [1, ф.1609, оп.2, д.3, л.3–3 об.].

Автором письма был видный русский историк профессор Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968), а его получателем – другой крупный исследователь профессор Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959). Оба корреспондента к 1947 г. были уже именитыми и состоявшимися учеными. В их судьбах тоже было немало общего, роднившего их. Оба принадлежали к одному поколению, и за плечами каждого из них был драматический жизненный опыт, наполненный лишениями, болью и потерями, но одновременно необычайной тягой к творчеству, вопреки всем перенесенным испытаниям.

А.В.Флоровский был воспитанником Новороссийского университета в Одессе. Там он окончил историко-филологический факультет, там он начал ученую и преподавательскую карьеру. Его труды по истории России XVIII в., особенно о екатерининской Законодательной комиссии 1767–1768 гг., получили заслуженное признание среди коллег. Как и многие представители своего поколения, Флоровский оказался ввергнут в водоворот переломных исторических событий. Его жизнь и научная

А.В.Флоровский, 1920-е годы

карьера оказались расколоты революцией и Гражданской войной. В 1922 г. историк был выслан из Советской России, поселился сначала в Софии, а оттуда перебрался в Прагу. С чехословацкой столицей будет связана вся его последующая жизнь. Он будет активным участником эмигрантской интеллектуальной работы, сотрудничая с Русским народным университетом, Русским педагогическим институтом имени Я.А.Коменского, Археологическим институтом имени Н.П.Кондакова, Русским историческим обществом. Но при этом Флоровский успешно интегрируется в европейскую интеллектуальную среду, чему во многом будут способствовать его исследования русско-чешских и русско-австрийских отношений².

А.И.Андреев принадлежал к числу талантливейших ученых-археографов 1-й половины XX столетия. Выпускник историко-филологического факультета Петроградского университета (1916), он еще в 1913 г. по предложению своего учителя А.С.Лаппо-Данилевского включился в работу по изданию грамот Коллегии экономии, хранившихся в московском Архиве министерства юстиции. После революции он не покинул Россию, жил в родном городе Петрограде – Ленинграде, работал в Археологическом институте и читал лекции в университете. Но ученая карьера была прервана: А.И.Андреев в числе других представителей «старой школы» был арестован по «Академическому делу» и сослан (1931) в Сибирь. Пытаясь выжить, он вынужденно сменил несколько профессий: был счетоводом транзитного лесосостава, статистиком на железной дороге, заведующим библиотекой Севполярлеса и, наконец, научным сотрудником Енисейского районного музея. Невзирая на тяготы ссыльной жизни, он заинтересовался историей Сибири и сделал ее одним из главных направлений своих исследований. После освобождения в ноябре 1935 г. Александр Игнатьевич вернулся в Ленинград, где поступил на работу в Институт народов Севера и Институт этнографии АН СССР. На основе недавних наработок он подготовил и в 1940 г. защитил докторскую диссертацию «Очерки по источниковедению Сибири XVII–XVIII вв.»; параллельно вел работу по подготовке академического издания «Истории Сибири» Г.Ф.Миллера. В начале Великой Отечественной войны ученый вместе с семьей был отправлен в эвакуацию сначала в Татарию, а затем – в Ташкент. В 1943 г. его пригласили заведовать кафедрой вспомогательных исторических дисциплин в Московский государственный историко-архивный институт [7,

² О биографии А.В.Флоровского см. подробнее: [2; 6].

с.294–295; 21, с.357]. Перебравшись в столицу, Андреев обратился к новой для себя теме – истории Петра Великого – и вошел в состав научной группы по изданию документов о петровской эпохе.

Комиссия по изданию писем и бумаг императора Петра Великого была создана в декабре 1872 г. усилиями ведущих московских и петербургских историков: К.Н.Бестужева-Рюмина, А.Ф.Бычкова, А.Е.Викторова, Е.Е.Замысловского, Н.В.Калачова, Н.А.Попова, С.М.Соловьева. Ведение всех дел и координацию непростой работы тогда взял на себя Афанасий Федорович Бычков (1818–1899), академик и будущий директор Императорской публичной библиотеки. Комиссия, пользовавшаяся поддержкой Министерства народного просвещения и Императорской Академии наук, поставила своей задачей выявление, подготовку к публикации и научное комментирование материалов, непосредственно связанных с Петром Великим. Тогда же были выработаны принципы, по которым вплоть до наших дней издается серия петровских документов. Так, было решено исключить из числа публикуемых материалов именные указы от лица царя, не имевшие его подписи. В то же время было признано необходимым издавать документы международного значения, например межгосударственные договоры, ибо их составление было продиктовано непосредственно волей монарха [20, с.66–67]. В 1887 г. был выпущен I том «Писем и бумаг императора Петра Великого» [19, т.1], собравший документы 1688–1701 гг. После смерти А.Ф.Бычкова в 1899 г. работу продолжил его сын, Иван Афанасьевич Бычков (1858–1944). До 1918 г., пока издание не было прервано, творческая группа подготовила 7 томов, в которых опубликовано 2 460 документов за 1688–1708 гг. [20, с.67]. И.А.Бычков, оставшийся после революции в Советской России, всё же сохранял надежду на продолжение работы. Но ждать пришлось долго.

Лишь в 1941 г. было принято решение о возобновлении издания «Писем и бумаг императора Петра Великого», но научным планам помешала начавшаяся война. К ним вернулись в мае 1943 г., когда АН СССР создала специальную группу по изучению эпохи Петра Великого под председательством академика Юрия Владимировича Готье (1873–1943). Публикация 2-го выпуска VII тома была поставлена в план на 1944 г., однако не состоялась из-за смерти Ю.В.Готье (17 декабря 1943 г.) и И.А.Бычкова (23 марта 1944 г.). Возобновить остановившуюся работу было поручено А.И.Андрееву, который в сентябре 1944 г. возглавил группу по изучению эпохи Петра Великого [20, с.68]. Он взялся за дело с огромным интересом и необычайной энергией, собрав вокруг

себя талантливых и целеустремленных единомышленников — Н.А.Бакланову, А.П.Глаголеву, Т.К.Крылову, Е.П.Подъяпольскую и С.А.Фейгину [19, т.7, с.IV]. Своей задачей они поставили обработку материалов за 1708 г., находившихся в тот момент как в Государственной публичной библиотеке имени М.Е.Салтыкова-Щедрина³, так и в квартире умершего И.А.Бычкова, вдова которого постепенно передавала бумаги в Ленинградское отделение Института истории АН СССР [20, с.68]. Общими усилиями и в условиях огромного интеллектуального напряжения в кратчайшие сроки был подготовлен 2-й выпуск VII тома, который увидел свет уже в 1946 г. и который почти сразу попал в поле зрения А.В.Флоровского, занявшегося изучением Петра Великого и его времени, и внимательно следившего за научной жизнью в СССР.

Венский след

Петровская тематика возникла в научном творчестве А.В.Флоровского вполне органично. Несомненно сказывалась прежняя, еще дореволюционная, специализация по истории

екатерининской эпохи, способствовавшая обращению ко всей истории XVIII в. для уяснения механизмов социальной, политической и экономической эволюции Российской империи. Среди лекционных курсов, читавшихся Флоровским в Карловом университете в 1930-х гг., был курс о Петре Великом, рукописные материалы которого для лекций сохранились в архиве историка в Праге [15; 39]. Другим источником научного вдохновения стало изучение русско-чешских и русско-австрийских отношений. Эти исследования открывали дорогу для освещения широкого круга сюжетов, связанных с политикой России в Центральной и Восточной Европе в 1-й четверти XVIII в. [18, с.243]. А потому в творчестве профессора появились работы о петровской дипломатии.

Научные поиски привели Антония Васильевича в чехословацкие и австрийские архивы, в которых хранились уникальные документы, прежде практически не востребованные другими учеными. Ценнейшие материалы о петровской эпохе он обнаружил в Венском государственном архиве (Haus-, Hof- und Staatsarchiv)⁴.

³ Ныне Российская национальная библиотека.

⁴ История этого собрания восходила к 1749 г., когда императрица Мария-Терезия повелела создать Секретный архив Габсбургского дома (Geheimes Hausarchiv) и объединить в

Венские документы попали в поле зрения ученого еще в конце 1930-х гг. К сожалению, о практической работе историка с ними известно пока мало. По имеющимся сведениям, сам он в Вене никогда не бывал, несмотря на относительную близость Праги к ней. Вместо того он регулярно посылал в архив запросы и заказывал копии необходимых ему материалов. С венским архивом профессор состоял в многолетней переписке, сначала с 1937 по 1941-й, а затем с 1946 г. и вплоть до смерти (1968) [37, №1–22]. Флоровский мог получить представление о документальных собраниях и выявить нужные ему бумаги благодаря высококвалифицированным архивным справочникам. Автором одного из них был крупный австрийский историк-архивист Людвиг Биттнер (Ludwig Bittner; 1877–1945) [40]. Известно, что в 1941 г. Антоний Васильевич обращался к нему за помощью [35, №1–2]⁵.

нем ранее разрозненные документы. В 1762 г. он был подчинен Государственной канцелярии и получил статус документального собрания высших государственных учреждений [41; 47, s.21–22]. В XIX в. архив пережил организационные изменения в связи с эволюцией управленческого аппарата империи. Во 2-й половине XIX в., благодаря усилиям директора Альфреда фон Арнета (Alfred von Arneth; 1819–1897), он превратился в важный исследовательский центр. На рубеже XIX–XX вв. для него построили специальное здание в самом сердце Вены – на Миноритенплац (Minoritenplatz). После I мировой войны архив сосредоточил в своих фондах документы рухнувшей Австро-Венгерской империи. Не обошли его стороной роковые потрясения 1930-х гг. После аншлюса он в 1940 г. стал частью Рейхсархива в Вене (Reichsarchiv, Wien). В том же году туда было перевезено большое количество документов из пражских собраний [44, s.126–127]. Во время II мировой войны архив понес тяжелые потери, немалое число документов погибло. В 1945 г. он был включен в состав Австрийского государственного архива (Österreichischen Staatsarchiv) и в этом статусе пребывает поныне [42; 43].

⁵ К тому моменту Л.Биттнер занял пост директора Рейхсархива в Вене. Он был талантливым ученым, но при этом убежденным нацистом. Еще до аншлюса он сотрудничал с Рейхсинститутом истории Новой Германии (Reichsinstitut für Geschichte des Neuen Deutschlands). Своего воинствующего антисемитизма Л.Биттнер никогда не скрывал, а потому рьяно принимал участие в подготовке пропагандистского журнала «Исследования по еврейскому вопросу» («Forschungen zur Judenfrage»), начавшего выходить в 1936 г. (см. подробнее: [46]). Он был одним из инициаторов перевоза в Вену архивных документов из захваченной нацистами Югославии с тем, чтобы потом использовать их для доказательства «сербской вины» в развязывании Первой мировой войны. Предвидя неминуемый крах Третьего рейха, 2 апреля 1945 г. Л.Биттнер вместе со своей женой Марией покончили жизнь самоубийством [45]. К слову, о своих контактах с Л.Биттнером

Вернемся к венскому архиву. Справедливости ради скажем, что еще русские дореволюционные исследователи обращались к его богатым собраниям, а отдельные документы публиковались в «Письмах и бумагах императора Петра Великого». Таким образом у Флоровского имелся прочный подготовительный фундамент. И даже если не вдаваться в подробности его архивной работы и не гадать о том, бывал ли он в Вене или нет, то все равно не вызывает сомнения факт, что ему удалось прикоснуться к бесценным и уникальным материалам, которые и легли в основу работ о Петре Великом и его времени. Среди этих документов особое место занимала секретная внешнеполитическая переписка, которая, по словам историка, позволила ему «заглянуть за кулисы дипломатической игры» [28, с.238]. Вдобавок он расширил источниковую базу по теме за счет документов из различных чешских собраний. Свои архивные наработки профессор Флоровский в полной мере будет использовать уже после Второй мировой войны, практически ежегодно публикуя работы по петровской тематике.

Новые и старые знакомые

Для историка первые послевоенные годы ознаменовались большими изменениями. К сожалению, ограниченность сохранившихся источников не позволяет в полной мере реконструировать внутренний мир и жизненные ориентиры ученого. Но с большой уверенностью можно утверждать, что разгром Германии и долгожданный мир в Европе побудили его, как и многих других эмигрантов, изменить свое отношение к СССР. Еще в годы войны на волне патриотического подъема в эмигрантской среде родилось убеждение, что советский режим, защищая национальные интересы, постепенно эволюционирует. Это заставило если не идейно примириться с советской властью, то взглянуть на нее по-другому, даже таких людей, как П.Н.Милюков и А.Ф.Керенский. Для А.В.Флоровского Советский Союз также стал освободителем и победителем (см. подробнее: [4]). Патриотические чувства и вера в будущее своей Родины подтолкнули его к принятию советского гражданства в 1946 г. Здесь стоит напомнить, что Вторая мировая война нанесла сокрушительный удар по русской научной диаспоре в чешских и словацких землях. Одни эмигранты уехали на Запад, боясь преследований со стороны коммунистов (Н.О.Лосский,

А.В.Флоровский впоследствии не будет распространяться.

М.М.Новиков, С.Г.Пушкарев) [14, с.169–170]. Другие же предпочли по разным причинам остаться. Некоторые из них вскоре были арестованы советскими спецслужбами (Н.Е.Андреев, С.П.Постников, П.Н.Савицкий). Но были и те, кто принял советское гражданство и даже вернулся в СССР (Д.И.Мейснер).

Итак, профессор Флоровский был явно полон творческих планов и мечтал завершить прежние, прерванные войной, проекты, например, издать заключительный том своего главного научного труда – «Чехи и восточные славяне»⁶. Он пытался реанимировать работу Археологического института имени Н.П.Кондакова, став его директором. Профессор энергично взялся за возобновление нарушенных войной связей с коллегами из разных стран. В 1948 г. он с неподдельной радостью и оптимизмом писал знаменитому британскому археологу Элису Миннзу (Ellis Novell Minns; 1874–1953) в Кембридж: «После нескольких лет молчания Институт вновь возвращается к жизни и возобновляет свою прежнюю научную и учено-издательскую деятельность. Институт рад возобновить свои деловые и дружественные связи со своими сотрудниками и друзьями...» [34]. Все преобразовательные планы мыслились тогда Флоровскому в неразрывном сотрудничестве с советскими историками, он хотел подключить к решению судьбы Археологического института имени Н.П.Кондакова Академию наук СССР и потому в июле 1948 г. обратился напрямую к ее вице-президенту Вячеславу Петровичу Волгину (1879–1962). Видимо желая продемонстрировать лояльность советской стороне и заручиться высочайшей поддержкой, А.В.Флоровский испрашивал академика о целесообразности своего участия в международных съездах византистов: «Очень прошу Вас не отказать сообщить мне – надлежит ли мне, как представителю русской научной организации, участвовать в этих съездах или хотя бы на одном из них. Я имею в виду, прежде всего, конгресс в Париже; брюссельский конгресс организуется под руководством проф[ессора] Анри Грегуара, отношение которого к СССР и русской науке вызывает серьезные возражения» [1, ф.514. оп.3, д.135, л.1]. Можно, конечно, представить, сколь трудно далось такое письмо русскому эмигранту, который в 1922 г. был выслан советскими властями из страны, а через четверть века спрашивал у этих

⁶ Первый том вышел в Праге в 1935 г. [30, т.1]. Публикации второго тома помешала война, и он увидел свет лишь в 1947 г. [30, т.2].

же властей разрешение для поездки на научную конференцию. К сожалению, неизвестно, что ответил В.П.Волгин, но ни в Париж, ни в Брюссель Антоний Васильевич в итоге не поехал. Попытки возобновления работы Археологического института имени Н.П.Кондакова успехом также не увенчаются, вопреки энергичным усилиям и искреннему порыву пражского профессора [3].

И всё же интерес к контактам с советскими историками не был случайным, не был вызван текущим политическим моментом и надеждами на обновление, которые охватили многих эмигрантов сразу после войны. А.В.Флоровский всегда с большим вниманием следил за научной жизнью в СССР и после войны поставил себе задачу развивать контакты с коллегами, подключиться к их исследовательским поискам. Думается, это желание было искренним, лишенным стремления к сиюминутной выгоде и не связанным с приспособленчеством.

А.Л. Сидоров

Вероятно, первым советским историком, с которым Антоний Васильевич познакомился после войны, был Аркадий Лаврович Сидоров (1900–1966). Последний был командирован в октябре 1946 г. в Чехословакию для чтения лекций по истории России с 1861 по 1917 г. и проведения семинара по истории Первой русской революции в Карловом университете [1, ф.514, оп.3, д.113, л.1–1 об.]. В Праге он имел возможность познакомиться с русскими эмигрантами и соприкоснуться с их историей. Сам он вспоминал впоследствии: «Я довольно свободно чувствовал себя в Праге и часто встречался с

представителями эмиграции, ставя регулярно в известность посольство об этих встречах» [22, с.430–431]. А.Л.Сидоров, в частности, общался с Алексеем Филаретовичем Изюмовым (1885–1951), бывшим сотрудником Русского заграничного исторического архива. О встречах с А.В.Флоровским Аркадий Лаврович, к сожалению, не рассказывал в своих воспоминаниях. Но зато о самом Сидорове несколько раз упоминал в письмах пражский профессор, что подтверждает факт их зна-

комства. Сохранилось и его письмо к советскому коллеге, датированное апрелем 1948 г. [1, ф.1609, оп.2, д.85, л.1–1 об.]. Примечательно, что Аркадий Лаврович выступал в это время за активизацию контактов между советскими и чехословацкими академическими кругами и призывал организовать приезд в Прагу видных ученых, например В.И.Пичеты или Е.А.Косминского [1, ф.514, оп.3, д.113, л.2]⁷.

Очевидно, что знакомство с Сидоровым воодушевило Флоровского. Он попытался при его посредничестве наладить общение с советскими историками, некоторых из которых он знал еще с дореволюционных времен. В 1947 г. Антоний Васильевич хотел возобновить контакты с одним из своих бывших студентов в Новороссийском университете в Одессе, а потому специально просил Сидорова разыскать того и передать письмо. Этим бывшим студентом был Николай Леонидович Рубинштейн (1897–1963), к тому времени ставший уже известным ученым. Некогда он был слушателем лекций А.В.Флоровского по русской истории

Н.Л.Рубинштейн

до XVII в., а также спецкурсов по исторической географии и русскому летописанию [16, с.334]. Антоний Васильевич не был его учителем в прямом смысле слова, хотя они довольно интенсивно общались. Н.Л.Рубинштейн продолжал писать профессору даже после того, как тот был выслан из Советской России. Он обстоятельно рассказывал о своей исследовательской работе и консультировался по текущим научным проблемам («Хочется теперь рассказать Вам о своей работе, чтобы хотя бы на расстоянии воспользоваться Вашими советами и указаниями. Я стараюсь по возможности продолжать работу систематически») [1,

⁷ За год до А.Л.Сидорова в Прагу для закупки научной литературы был командирован известный востоковед А.Ф.Миллер, а АН СССР официально пригласила чехословацких историков публиковаться в советских журналах и обмениваться информацией [1, ф.514, оп.3, д.11, л.1].

ф.1609, оп.2, д.390, л.2]. Рубинштейн в начале 1920-х гг. занимался «Русской Правдой», к которой до революции обращался в своих исследованиях сам Флоровский [29]. Важно отметить, что Николай Леонидович был для профессора важным источником информации обо всем происходившем в Одессе, от него он узнавал о судьбах друзей и коллег, оставшихся на Родине. Общение двух ученых носило нерегулярный характер, письма нередко пропадали. В конце 1923 г. переписка прервалась почти на год. Рубинштейн не имел сведений о Флоровском и уже подумал, что тот переехал из Праги. В апреле 1925 г. он написал профессору о своих исследованиях о декабристах и просил указать на новые иностранные и эмигрантские работы по теме [1, ф.1609, оп.2, д.390, л.11, 17 об.]. Судя по сохранившимся архивным данным, после этого письма переписка надолго прервалась.

В 1931 г. Н.Л.Рубинштейн переехал в Москву, где сначала работал в различных издательствах и редакциях, затем преподавал в высшей школе, в том числе в Московском государственном университете. В мае 1940 г. он защитил докторскую диссертацию, а в 1941 г. увидела свет его «Русская историография», которая в тот момент была тепло принята научным сообществом и даже выдвинута на Сталинскую премию [16, с.353–372; 31, с.186–188]. Антоний Васильевич об этой работе был осведомлен и потому в 1947 г. в первом письме за долгие годы разрыва написал Рубинштейну: «Рад был узнать о Ваших научных успехах и деятельности. Правда, из литературы я кое-что знал о Ваших трудах, хотя и неполно и случайно. В частности, меня очень обрадовала Ваша книга по русской историографии. Я только несколько дней держал ее в руках и не мог надлежащим способом ее изучить, но, во всяком случае, поздравляю Вас с нею. Если у Вас найдется лишний экземпляр, пришлите мне, это ведь настольная книга для нашего брата-историка». В этом же письме А.В.Флоровский подробно рассказал о своих текущих научных проектах: «Мои собственные работы сейчас связаны с эпохой Петра Великого. Правда, еще не исчерпан в печати запас моих прежних исследований из области чешско-русских отношений. Но именно от них я и перешел к эпохе Петра Великого, в частности, к вопросам его экономической и торговой политики в связи с судьбами силезско-украинской торговли (а попутно и чешской) и его политики в отношении католической церкви в связи с деятельностью в Москве иезуитов из Чехии и капуцинов. В этой области я собрал кое-какой новый материал и сейчас обрабатываю его» [36, №1].

В июле 1947 г. Флоровский получил ответ из Москвы, в котором Рубинштейн выражал огромную радость по поводу возобновления общения и посылал в дар учителю несколько своих статей, рассказывал о новых направлениях своей работы («Хочу Вам сказать, что я не только "историограф" и сейчас полностью, с головой, ушел в XVIII в.». Он называл А.В.Флоровского одним из ведущих специалистов по истории XVIII в. и напоминал, что его собственные научные занятия начались с изучения Уложенной комиссии: «Знаю, что и Вы много работали это время, и, судя по Вашему письму, возвращаетесь сейчас к XVIII в., хотя и к несколько более раннему периоду, к Петровскому времени». Николай Леонидович делился задачами на ближайшее будущее: «В первую очередь предстоит готовить новое издание моей историографии, которую следует перерабатывать довольно основательно, а сдавать надо ее в начале 1948 г. Вообще планов работы в голове много» [36, №2]. Он был полон оптимизма и неумной творческой энергии. Дух надежд и обновления пока еще не окончательно рассеялся в советском обществе.

«Мы будем признательны Вам, если Вы возьмете на себя это дело...»

В письме к Н.Л.Рубинштейну А.В.Флоровский жаловался, что в Праге недостает новейших изданий по петровской эпохе, и что эту проблему он пытается решить пу-

тем установления активных контактов с советскими исследователями. Такой контакт он хотел найти в лице А.И.Андреева. Сохранился черновик письма Флоровского к нему, датированный февралем 1947 г., с упоминания о котором мы и начали повествование. Пражский профессор сообщал, что от А.Л.Сидорова узнал о работавшей под руководством А.И.Андреева группе по изучению эпохи Петра Великого. Он писал, что сам в течение последних лет занимался петровской эпохой и в 1941 г. издал в Праге книгу о чешских иезуитах, рассмотрев в ней и вопрос о католическом влиянии в России на рубеже XVII–XVIII вв. Помимо того, он интересовался экономической, особенно торговой и таможенной, политикой Петра Великого, а в настоящее время сосредоточил внимание на исследовании дипломатических отношений России и Австрии в 1-й четверти XVIII в., А.В.Флоровский специально подчеркивал, что все свои работы он строил на материалах зарубежных архивов. При этом он сетовал, что ему остаются недоступны многие работы советских авторов, и по-

этому просил информировать его об изучении петровской эпохи в СССР и по возможности присылать новейшие работы ему лично, библиотеке исторического семинара Карлова университета или Славянской библиотеке [1, ф.1609, оп.2, д.3, л.3–3 об.]. Письмо это было передано в Москву лично А.Л.Сидоровым и вызвало огромный интерес со стороны получателя.

27 марта 1947 г. А.И.Андреев составил подробный ответ, в котором обрисовал первые итоги работы своей научной группы, назвал советских историков, занимающихся петровской тематикой, описал кратко основные направления их работы. Среди перечисленных имен мы встречаем

- Наталью Аполлинариевну Бакланову (1891–1977), готовившую посмертное издание фундаментального труда М.М.Богословского;
- Татьяну Корнильевну Крылову, изучавшую петровскую дипломатию;
- Петра Павловича Епифанова (1909–1992), работавшего над тематикой военных преобразований;
- Елизавету Ивановну Заозерскую, писавшую о петровских мануфактурах;
- Бернгарда Борисовича Кафенгауза (1894–1969), исследовавшего внешнюю политику России и одновременно деятельность Демидовых на Урале;
- а также Софью Ароновну Фейгину, заканчивавшую в тот момент докторскую диссертацию об Аландском конгрессе [1, ф.1609, оп.2, д.119, л.1–2].

А.И.Андреев признавал, что в СССР крайне обрывочно знают иностранную литературу о Петре и поэтому предложение Флоровского о содействии оказывается весьма своевременным: «Мы будем признательны Вам, если Вы возьмете на себя это дело – обзор иностранной литературы о Петровской эпохе... Нами уже подготовлен второй сборник "Петр Великий", готовим третий, – в один из них мог бы войти Ваш обзор...» [1, ф.1609, оп.2, д.119, л.2]⁸.

⁸ Сборник готовился на основе докладов, прочитанных на заседании группы по изучению эпохи Петра Великого. В основном материал был собран уже к концу 1945 г. 20 июля 1946 г. книгу подписали в печать, в феврале 1947 г. вышел сигнальный экземпляр, а 9 июня тираж поступил в продажу. Среди авторов были Н.А.Бакланова, П.П.Епифанов, В.Г.Гейман, Е.И.Заозерская, Б.Б.Кафенгауз, Т.К.Крылова, С.А.Фейгина. Некоторые из них

А.И.Андреев рассказал пражскому коллеге о работе по выявлению петровских материалов в архивах СССР, коснувшись при этом и имевшихся трудностей: «Конечно, слабым местом в нашей работе является отсутствие связи с иностранными хранилищами материалов о Петровской эпохе. Ваше любезное предложение помочь нам в этом отношении принимаю с большой благодарностью». Он говорил о большом интересе к иностранным исследованиям и сетовал, что не имеет книги о чешских иезуитах в России, а потому просил А.В.Флоровского по возможности прислать его работы и обещал подарить свои в ответ. Уже вскоре, 30 апреля 1947 г., Александр Игнатьевич через чехословацкого историка Зденека Неедлы передал Антонию Васильевичу 2-ю часть VII тома «Писем и бумаг», который вышел в начале апреля, и сообщил о скорой присылке сборника статей «Петр Великий» [1, ф.1609, оп.2, д.119, л.4, 5]. Таким образом, А.И.Андреев был чрезвычайно заинтересован в сотрудничестве с А.В.Флоровским, который мог помочь в работе с зарубежными архивами, недоступными в тот момент для ученых из СССР.

Контакты двух историков развивались довольно интенсивно. В личном фонде А.В.Флоровского в Архиве РАН сохранился черновик его письма к Андрееву, датированный 17 октября 1947 г. [1, ф.1609, оп.2, д.3, л.2]. Он представляет собой набросок вопросов и предложений к московскому коллеге. Флоровский перечислял изучаемые им сюжеты. Например, деятельность капуцинов в России, взаимоотношения Петра с Австрией, торговые отношения с Силезскими землями и др. В этом же письме он поднял вопрос о рукописи воспоминаний Филиппе Балатри, итальянского музыканта, приглашенного князем П.А.Голицыным по рекомендации герцога Козимо III Медичи на службу в Россию, и прожившего в ней с 1698 по 1701 г. В 1930-х гг. ее обнаружил живший в Праге выдающийся русский почвовед и гидролог Павел Владимирович Отоцкий (1866–1954), большой знаток и ценитель антикварных книг [39]. Он предполагал издать эту рукопись и обращался за консультациями к Флоровскому. Но проект так и не состоялся. Сам П.В.Отоцкий после войны выехал в Швецию, а воспоминания Ф.Балатри продал⁹.

принимали участие в работе над «Письмами и бумагами». Их работы «носили ярко выраженный конкретный характер, избегали широких обобщений, и <...> были выдержаны в академическом духе» [24, с.119, 121].

⁹ В 1962 г. по случаю 100-летия Ленинской библиотеки в Москве Государственная библиотека Чехословацкой республики (Státní knihovna ČSR) преподнесла ей в дар рукопись

А.В.Флоровский долгое время ничего не знал о судьбе рукописи. В том же письме пражский историк благодарил А.И.Андреева за присылку «Писем и бумаг императора Петра Великого» и просил переслать ему работы Т.К.Крыловой и С.А.Фейгиной, отсутствующие в библиотеках чехословацкой столицы [1, ф.1609, оп.2, д.3, л.1].

А.И.Андреев

Вскоре Флоровский отправил Андрееву свою книгу о чешских иезуитах с просьбой передать ее в подходящую библиотеку Москвы. В письме, приложенном к посылке, он лестно отзывался о трудах А.И.Андреева, посвященных Академии наук и М.В.Ломоносову, припомнив, что некогда касался в собственных научных штудиях истории Академии екатерининской эпохи¹⁰. А.В.Флоровский подробно рассказывал о своих текущих научных делах и осведомлялся о возможности публикации своей статьи в Москве: «Лекции и иные спешные занятия задерживают мои изыскания по истории Петра Великого. В настоящее время у меня имеется уже законченная статья о пражских легендах о Петре Великом, т.е. разъяснение того,

как могли возникнуть известные рассказы о пребывании Петра Великого в Праге в 1698 году, хотя в действительности Петр лишь проехал через Прагу. Я использовал пражский и брненский архивный материал для освещения обстоятельств этого проезда и попытался выяснить, на основе каких фактов могли эти пражские легенды возникнуть в XVIII веке. Я хотел бы издать этот свой очерк по-русски еще в этом же году – исполняется 250 лет со времени этого проезда Петра через Прагу. Но может быть придется согласиться на чешское издание. Есть ли какая-нибудь возможность напечатать подобный очерк в Москве?» [1, ф.1609, оп.2, д.3, л.2].

Ф.Балатри, которая, как сообщалось официально, была специально куплена в одном из антикварных магазинов Праги [9, с.164].

¹⁰ Речь идет о статье: [27]. Ее отпечаток автор отправил А.И.Андрееву в Москву.

**Петр Великий в интерьере
сталинской эпохи**

Петровская тематика в СССР стала чрезвычайно востребованной с конца 1930-х гг. Сохранила она свое значение и в послевоенные годы [11, с.33; 31; 24, с.119]. Конечно, образ Петра

не был любим И.В.Сталиным в той мере, как Ивана Грозного, но, тем не менее, воплощал в себе идею сильного государства и модернизации. Великие исторические деятели становились частью официального мемориального и одновременно политического дискурса. Поскольку их биографии превращались в жития, то отступление от канона жестко пресекалось и каралось. Поэтому изучение их жизненного пути и их времени оказывалось под пристальным вниманием властей. Перед учеными стоял выбор: либо приспосабливаться к конъюнктуре, либо стоять на позициях чистой науки.

Летом 1947 г. на А.И.Андреева поступил донос с обвинениями в преклонении перед А.С.Лаппо-Данилевским [24, с.120–121]. Это было начало травли. В скором времени в печати появилось несколько разгромных рецензий на сборник «Петр Великий». Одна из них, едва ли не самая агрессивная по тону, а значит, и по последствиям, для авторов рецензируемой работы, вышла в четвертом номере *Вопросов истории* в 1948 г. [5]. Ее автором был Григорий Николаевич Анпилов (1902–1987), защитивший в 1938 г. кандидатскую диссертацию о петровском Сенате, а до этого успевший поработать в органах НКВД. Теперь он стремительно делал ученую карьеру, преподавал в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б), а потому все чаще выступал в роли обличителя. В начале сентября 1948 г. разнузданную критику Андреева и его коллег подхватила *Литературная газета*. Она обрисовала изданный ими сборник в крайне нелицеприятных тонах. Причем больше всех досталось редактору, статья которого, как говорилось в газете, была «пропитана низкопоклонством перед иностранщиной», и С.А.Фейгиной, обвиненной в пропаганде «антинаучных взглядов буржуазных, в том числе фашистских, историков», и цитировавшей «их грязную клевету на великий русский народ» [17, с.257–258].

Уничижительные рецензии на «Петра Великого» стали прелюдией к заседанию сектора истории СССР Института истории, на котором андреевский сборник подвергся беспощадному идеологическому разгрому, а его авторы были вынуждены оправдываться. Нельзя не согласиться с В.В.Тихоновым, который заметил, что «беда (и мужество авторов сборника) была в том, что они изначально поставили во главу угла стро-

го научные принципы, отказавшись следовать за быстро меняющейся конъюнктурой» [24, с.119, 124–127].

Против А.И.Андреева и его коллег мгновенно развернулась истеричная травля, сопровождавшаяся обвинениями в «буржуазном объективизме». В декабре 1948 г. *Вопросы истории* вновь обрушились с критикой на его группу за «грубейшие антимарксистские ошибки» [24, с.129]. В 1948–1949 гг. на заседаниях Ученого совета Института истории АН СССР ожесточенному разносу подверглись едва ли не все ведущие ученые – С.В.Бахрушин, С.Б.Веселовский, Н.М.Дружинин, Н.Л.Рубинштейн, Л.В.Черепнин, А.И.Яковлев и др. [12, с.232–236; 32, с.607]. Андреев был вынужден оправдываться и доказывать критикам, что сборник статей «Петр Великий», разгромленный в официальной советской печати, в том числе и его собственная работа о пребывании Петра Великого в Англии, начали готовиться еще в годы Великой Отечественной войны, в ту пору, когда суровая действительность и союзнические чувства делали необходимым говорить о традициях дружбы и старинных связях между русским и английским народами. По злой иронии, технологические возможности печатания сборника не поспевали за стремительно менявшейся политической конъюнктурой. Пока его составляли, редактировали, корректировали и тиражировали, обстановка в стране изменилась. На смену образу союзника пришел образ врага, отношение к Западу, которое и раньше было пропитано подозрительностью и настороженностью, переросло в откровенно враждебное. Эти метаморфозы естественным образом отразились и на официальной трактовке личности Петра Великого, его эпохи и его преобразований, в которых теперь нужно было искать национальную основу. Поэтому А.И.Андреев, оправдываясь, вынужден был говорить, что в своих исследованиях он доказал русские основы проекта по учреждению Академии наук, приоритет русских картографов XVIII в. над иностранными и исключительный вклад русских в мировую географическую науку [12, с.222, 223].

Именно А.И.Андреев и С.А.Фейгина стали главными объектами официальной критики. Для него своего рода отягчающим обстоятельством была принадлежность к «старой школе» и судимость по «Академическому делу», а для нее – еврейское происхождение. Софье Ароновне не повезло еще и потому, что она была автором статьи о зарубежной историографии [26], попавшей под пристальное внимание в разгар «холодной войны» и начинавшейся «борьбы с космополитизмом». Закономерно, что именно она удостоилась особенно зубоскальной крити-

ки со стороны конъюнктурщиков от науки: «С.А.Фейгина на страницах своей статьи не скупится на похвалы буржуазным историкам, отмечая изящество языка и безупречность стиля их работ, но за этой словесной шелухой она не заметила того, что они искажают историю и клеветают на Россию» [5, с. 121].

В своей статье Фейгина проделала анализ западноевропейских и американских работ 1920-х – 1940-х гг., доступных в то время в фондах московских библиотек. Читатель не встретит в ее статье ни обличения «буржуазных фальсификаторов истории», ни цитат классиков марксизма, ни отсылок к передовицам *Правды*. Вместо этого был сделан тщательный и взвешенный научный разбор, с указанием достоинств и недостатков исследований западных ученых. Софья Ароновна подытоживала: «работы эти, очень разного уровня и научной ценности, различного объема и на различном материале построенные, бесспорно говорят об одном: о большом интересе к нашей родине за рубежом, интересе к ее прошлому, к поворотным, переломным моментам». В своей статье она отвела особое место работе Е.Ф.Шмурло «Вольтер и его книга о Петре Великом», изданной в Праге в 1929 г. [26, с. 414–418]. А.В.Флоровский, к слову, этого ученого хорошо знал, ведь оба они в статусе эмигрантов оказались в начале 1920-х гг. в масариковской Чехословакии [13, с. 163, 166].

В итоге А.И.Андреев был отстранен от подготовки II тома сборника «Петр Великий», который он анонсировал Флоровскому весной 1947 г., и который в результате так и не был опубликован. А что касается Фейгиной, то ее злоключения были еще впереди. Она была ученицей Сергея Владимировича Бахрушина (1882–1950), писала под его руководством кандидатскую диссертацию о борьбе России за выход к Балтийскому морю во 2-й половине XVII в., успешно защитила ее в 1939 г. Очевидно, что тогда она глубоко прониклась этой темой и решила развивать ее уже на примере петровской эпохи. В 1940 г. под руководством А.И.Андреева она начала работу над докторской диссертацией. Профессор покровительствовал своей ученице, осознавая ее незаурядные исследовательские способности. Карьера Фейгиной шла в гору. После войны она стала преподавать в престижном Московском государственном институте международных отношений и вскоре получила звание доцента, а затем работу в Институте истории СССР, где ее назначили секретарем группы по изучению эпохи Петра I [25, с.200–201]. Коллеги ценили ее за глубокий интерес к изучению иностранной литературы и источников. Даже острый на

язык и мало кого любивший А.А.Зимин написал, что «Софья Ароновна [Фейгина] – очень образованная, умная женщина, научившаяся многому у А.И.Андреева» [10, с. 90]. Поэтому закономерно, что в сборнике «Петр Великий» статью о зарубежной историографии петровского царствования подготовила именно она. Теперь же ее обвиняли в «полной методологической беспомощности», «преклонении перед иностранщиной», пропаганде «антинаучных взглядов буржуазных, в том числе и фашистских историков» [12, с.238–239; 25, с.202–203]. Гонения на нее совпали с первыми арестами по «делу Еврейского антифашистского комитета». Видимо поэтому ее статье приклеили ярлык «худшего образца преклонения перед иностранщиной, перед буржуазной реакционной наукой» [24, с.123].

Вспомним теперь, что в письме к Флоровскому от 27 марта 1947 г. Андреев сообщал о завершении своей ученицей докторской диссертации о внешней политике России на заключительном этапе Северной войны и Аландском конгрессе. В.В.Тихонов показал, что травля затормозила защиту работы. Более того, С.А. Фейгину 1 марта 1949 г. уволили из Института истории АН СССР. Правда уже вскоре стараниями Б.Д.Грекова и С.В.Бахрушина ее вновь взяли на работу и в июне 1951 г. дали возможность провести защиту диссертации [25, с. 204]. Но на этом драматические перипетии не закончились, ибо Высшая аттестационная комиссия отказалась утверждать докторскую степень, даже несмотря на ходатайства влиятельного академика Е.В.Тарле. Вступить за Софью Ароновну было уже некому, ибо Бахрушин умер, Андреев был вынужден переехать в Ленинград, а Греков был при смерти. Пришедший на должность заместителя директора Института истории АН СССР А.Л.Сидоров приложил все усилия для увольнения Фейгиной, что и произошло 27 июля 1953 г. [24, с.130; 25, с.204–205]. В судьбе историка он сыграл крайне нелицеприятную и гнусную роль. Насмешка судьбы заключалась в том, что еще несколько лет назад Сидоров передавал Андрееву письмо от Флоровского, в котором пражский историк проявлял глубокий интерес к трудам советских коллег, в том числе и Софьи Ароновны Фейгиной.

Между прочим, в 1948 г. именно Сидоров сыграл злую роль и в судьбе Н.Л.Рубинштейна, которому всего год назад передавал письмо от А.В.Флоровского. Вспомним тут, как в июле 1947 г. Николай Леонидович радостно писал своему учителю о скором переиздании «Русской историографии». Вместо того, в марте 1948 г. началось обсуждение книги, изначально задуманное как уничтожающее, и фактически для

этой цели 15–20 марта было созвано Всесоюзное совещание заведующих кафедрами истории СССР университетов, педагогических ВУЗов, специалистов АН СССР и Высшей партийной школы при ЦК ВКП (б). Одним из главных погромщиков на совещании выступил неугомонный А.Л.Сидоров, обвинивший автора в неспособности проанализировать с марксистских позиций идейную борьбу в историографии и вскрыть классовую сущность дореволюционных ученых. В июле 1948 г. Министерство образования СССР издаст приказ «О книге Н.Л.Рубинштейна "Русская историография"». В нем автора прямо обвинят в «объективизме», «отсутствии боевого духа», «академичности, абстрактности и аполитичности в постановке и решении важнейших вопросов исторической науки» [16, с.362, 367; 31, с.190–191].

О роли Сидорова в событиях 1948–1949 гг. и о его персоне очень точно выразился А.Н.Шаханов: «А.Л.Сидоров в научных и политических вопросах менял свои воззрения в полном соответствии с изменениями партийного курса. Выпускник Института красной профессуры, он в предвоенные годы клеймил последователей школы М.Н.Покровского. С изменением политической конъюнктуры в 1960-х годах, напротив, писал о большом вкладе своего учителя в дело становления марксистской науки. Также резко менялись его оценки работ И.В.Сталина. В ходе кампании по борьбе с космополитизмом он, кроме выполнения партийного долга, преследовал своекорыстные цели – удаление научных противников». Именно он был одним из главных участников погромной кампании 1948–1949 гг., и именно он назвал взгляды Н.Л.Рубинштейна «последовательными идеями буржуазного космополитизма и... преклонения перед иностранной наукой», именно он обнаружил в работах историка «политические ошибки», именно он втянул в дискуссию вокруг «Русской историографии» даже студентов университета. В итоге в апреле 1949 г. Н.Л.Рубинштейн был уволен из университета, а в течение двух лет в печати не появилось ни одной его работы [31, с.193–197]. А.Л.Сидоров боролся за лидирующие позиции в советской исторической науке и был готов на этом пути смести всех конкурентов (как поступил, например, с академиком И.И.Минцем¹¹). Он сформировал вокруг себя круг молодых и идеоло-

¹¹ А.Л.Сидоров, бывший одним из активных участников травли С.А.Фейгиной, в 1949 г. ставил себе в заслугу изгнание академика И.И.Минца из университета: «Там, где появлялся Минц, появлялись исключительно евреи. Я не против евреев, среди которых у меня много друзей и много учеников, но я против того, чтобы собирали и группировали только

гически проверенных соратников, готовых поддерживать любые его начинания [23, с.5].

Александр Игнатьевич Андрееву же после публичной травли пришлось оставить работу над изданием «Писем и бумаг», завершать 2-й выпуск VIII тома предстояло Б.Б.Кафенгаузу [19, т.8, вып.2]¹². К счастью, его не арестовали, не запретили заниматься научной работой, хотя пережитые события отразились на его слабом здоровье. Андреев вернулся в родной Ленинград, где поступил на службу сначала в Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники, а затем – в Ленинградское отделение Института истории и возглавил его архив. Р.Ш.Ганелин вспоминал, как приехавший в 1950-е гг. в СССР крупный американский историк Сирил Блэк (Cyril E. Black; 1915–1989) поинтересовался судьбой и творчеством А.И.Андреева и пожелал с ним встретиться. Но тот оказался на даче и увидеться с заграничным коллегой не смог. Американский историк, видимо, наслышанный о прежних гонениях, в озвученную ему версию не поверил [8, с.138]. Александр Игнатьевич смог вернуться к работе над изданием «Писем и бумаг императора Петра Великого» только во 2-й половине 1950-х гг. и принял участие в подготовке XI тома. В 1959 г. он подал прошение о полной своей реабилитации. По злой иронии оно было утверждено лишь после смерти историка – 12 июня он скоропостижно скончался от сердечного приступа [21, с.357].

Список сокращений

АЕ. – Археографический ежегодник.

ННИ. – Новая и новейшая история.

SK. T-FLOR. – Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V.Florovskij.

Библиографический список

1. Архив Российской Академии наук. Ф.514. Оп.3; Ф.1609. Оп.2.
2. Аксенова Е.П. Жрец «Клио» (к научной биографии А.В.Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т.11. №1. С.32–47.

их...» (Цит. по: [31, с.194]).

¹² Об истинных причинах ухода А.И.Андреева из проекта, конечно, официально не говорилось. И даже много лет спустя Е.П.Подъяпольская могла лишь лаконично заметить: «А.И.Андреев отошел от руководства по изданию в связи с переездом в Ленинград» [20, с.68].

3. Аксенова Е.П. Институт имени Н.П.Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А.В.Флоровского) // Славяноведение. 1993. №4. С.63–74.
4. Аксенова Е.П. Русский эмигрант о Великой Отечественной войне. Взгляд из Праги // Славянский мир в третьем тысячелетии: Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015. С.62–71.
5. Анпилов Г.Н. Рец. на кн.: «Петр Великий: Сборник статей под редакцией доктора исторических наук А.И.Андреева». Л., 1947. Вып.1 // Вопросы истории. 1948. №4. С.120–123.
6. Афиани В.Ю., Лаптева Т.Н. Мастера российской историографии: Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) // Исторический архив. 2013. №3. С.149–163.
7. Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 2000. 448 с.
8. Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб.: Нестор-История, 2004. 215 с.
9. Герасимова Ю.И. Записки Филиппе Балатри – новый иностранный источник по истории петровской России (1698–1701) // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И.Ленина. М., 1965. Вып.27. С.164–190.
10. Зимин А.А. Храм науки (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л.Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С.35–384.
11. Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М.: Вече, 2003. 480 с.
12. Кныш Н.А. Институт истории Академии наук СССР: рецепция партийных постановлений и выработка исследовательских стратегий // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. С.209–248.
13. Ковалев М.В. Евгений Францевич Шмурло: к истории русской италянистики в эмиграции // ННИ. 2016. №1. С.155–172.
14. Ковалев М.В. Жизнь и творчество историка Русского Зарубежья Сергея Германовича Пушкарева (1888–1984) // ННИ. 2015. №3. С.162–179.
15. Ковалев М.В. Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2014. Вып.4 (27). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000732-4-1> (дата обращения: 12.06.2016).
16. Корзун В.П., Колеватов Д.М. Историки в фокусе кампаний по борьбе с космополитизмом. «Русская историография» Н.Л.Рубинштейна: меняющийся образ науки // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. С.323–372.
17. Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 446 с.
18. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 400 с.
19. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Гос. тип., 1887. Т.1. 888 с. + ЛП с.; М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т.7. Вып.2. 936 с.; 1951. Т.8. Вып.2. 1180 с.
20. Подъяпольская Е.П. Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» // АЕ за 1972 г. М., 1974. С.56–70.
21. Сербина К.Н. А.И.Андреев – ученый и педагог: из воспоминаний об учителе // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т.17. С.357–363.

22. Сидоров А.Л. Чехословакия. Прага. Октябрь 1946 – февраль 1947 г. // Мир историка. XX век / Под ред. А.Н.Сахарова. М.: ИРИ РАН, 2002. С.425–438.
23. Тихонов В.В. Идеологические кампании как форма контроля и управления советской исторической наукой (1945–1955 гг.) // Государственное управление: электронный вестник. 2011. Вып.26. С.1–8. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2011/vipusk_26._mart_2011_g./iz_istorii_upravlenija/tikhonov.pdf (дата обращения: 12.06.2016).
24. Тихонов В.В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов // История и историки: историографический вестник. 2009–2010. М.: ИРИ РАН, 2012. С.118–144.
25. Тихонов В.В. «Худший образчик преклонения перед иностранщиной»: идеологические кампании «позднего сталинизма» и судьбы историка С.А.Фейгиной // Новейшая история России. 2013. №1 (6). С.199–207.
26. Фейгина С.А. Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века // Петр Великий: Сб. ст. / Под ред. А.И.Андреева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 390–423.
27. Флоровский А.В. Академия наук и законодательная комиссия 1767–1774 гг. // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге. Прага, 1924. Т.1. Вып.2. С.103–176.
28. Флоровский А.В. Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 236–241.
29. Флоровский А.В. Новый взгляд на происхождение «Русской правды» (о книге Л.К.Гетца) // Изв. Одесского библиографического об-ва при Новороссийском ун-те. Одесса, 1912. Т.1. Вып.4. С.97–122.
30. Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Прага: Slovansky ústav, 1935. Т.1. 527 с.; 1947. Т.2. 548 с.
31. Шаханов А.Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л.Рубинштейна // История и историки: историографический вестник. 2004. М.: ИРИ РАН, 2005. С.186–207.
32. Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 765 с.
33. Bakhmeteff Archive of Russian and European History and Culture, Columbia University. George Vernadsky Papers. Box 32. Florovskii, A.V.
34. Cambridge University Library, Department of Manuscripts and University Archives. Sir Ellis Hovell Minns: Correspondence. Add. 7722. Box 1. Folder F. A.V.Florovsky.
35. SK. T-FLOR. Krab.II. Korespondence. №18. Bittner L., Vídeň.
36. SK. T-FLOR. Krab.VIII. Korespondence. №232. Rubinštejn, Nikolaj Leonidovič, Moskva.
37. SK. T-FLOR. Krab.XIV. Korespondence. Österreichisches Staatsarchiv, Vídeň.
38. SK. T-FLOR. Krab.XXXVII. [Konspekty přednášek na FF Karlovy university]. III. Istorija Rossii v epochu Petra I. 1. Petr Velikij i jeho epocha (letnij sem. 1934/1935). rkp.
39. Červinka V. Pražský rukopis o Petru Velikem // Národní politika. 1938. Roč. LVI. Č.46. 16. února. S.3.
40. Gesamtinventar des Wiener Haus-, Hof- und Staatsarchivs / Hrsg. L.Bittner. Wien: Verlag A.Holzhausens Nachfolger, 1936. Bd.1. 608 s.; 1937. Bd.2. 415 s.; 1938. Bd.3. 698 s.; 1938. Bd.4. 489 s.; 1940. Bd.5. 296 s.

41. Hochedlinger M. Das k.k. „Geheime Hausarchiv“ // Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert) / Hrsg. J.Pauser, M.Scheutz, T.Winkelbauer. Wien; München: R.Oldenbourg Verlag, 2004. S.33–44.
42. Hochedlinger M. „Geistige Schatzkammer Österreichs“. Zur Geschichte des Haus-, Hof- und Staatsarchivs 1749–2003 // Das Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Geschichte – Gebäude – Bestände / Hrsg. L.Auer, M.Wehdorn. Innsbruck: Tiroler Verlags- und Druckservice Ursprunger, 2003. S. 16–40.
43. Hutter H., Just T. Zur Geschichte des Reichsarchivs Wien 1938–1945 // Das deutsche Archivwesen und der Nationalsozialismus. 75. Deutscher Archivtag in Stuttgart. Essen: Klartext Verlag (Tagungsdokumentationen zum Deutschen Archivtag 10), 2007. S.313–325.
44. Just T. Haus-, Hof- und Staatsarchiv in der NS-Zeit // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Wien, 2010. Bd.54. S.103–147.
45. Just T. Ludwig Bittner (1877–1945): Ein politischer Archivar // Österreichische Historiker, 1900–1945: Lebensläufe und Karrieren in Österreich, Deutschland und der Tschechoslowakei. Wien: Böhlau, 2008. S.283–305.
46. Markner R. Forschungen Zur Judenfrage: A Notorious Journal and some of its Contributors // European Journal of Jewish Studies. 2007. Vol.1. No 2. P.395–415.
47. Průvodce po Rakouském státním archivu ve Vídni pro českého návštěvníka / Sest. E.Drašarová a kol. Praha: Národní archiv; Dolní Břežany, 2013. 991 s.

(Продолжение следует)